

ЧАСТЬ 1. ДОМОХОЗЯЙСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В центре данной части – экономические субъекты низшего уровня, домохозяйства и индивиды. Нам предстоит выявить, с какими институциональными изменениями субъекты этого уровня действительно столкнулись за годы реформ; определить, как сказываются произошедшие институциональные изменения на принимаемых разными типами домохозяйств и индивидов *экономических* решениях (о распоряжении своими доходами, сбережениями, трудом, временем). И кроме того, мы попытаемся оценить обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на особенности и перспективы институционализации новых прав и правил игры (правовых и неправовых) в экономическом пространстве.

В основе данной части лежит активно развиваемая в последние годы *деятельностная* парадигма анализа социальных (в том числе и институциональных) изменений. Точного названия в современной теории она пока не имеет, однако ее отличительная особенность определилась четко: она состоит в интеграции двух классических парадигм – структуралистской и феноменологической, бессубъектной и субъектной. Деятельностная парадигма переосмысливает само понятие социального института: "...социальные институты – это, конечно, структуры, которые регулируют социальные связи и отношения, но они сами постоянно меняются, они не столь устойчивы, как это представлялось Э. Дюркгейму, да и К. Марксу тоже..."⁸².

Что касается субъекта, то в деятельностной парадигме он рассматривается как комплекс определенных ресурсов. "Ресурс субъекта – это совокупность качеств, обеспечивающих его способность не только к выживанию, но и к расширению диапазона саморегуляции своего поведения, включая влияние на других субъектов"⁸³. Ресурсы субъекта весьма разнообразны: накопленное состояние, текущие доходы, молодость, образование и квалификация, проживание в крупном городе и др. "...деятельностный подход формирует представление о социальном субъекте как таком, который может обладать сильным или слабым ресурсом, и он пытается использовать его, он постоянно стремится укрепить свое положение, социальный статус, расширить свое влияние в обществе, если он обладает богатым ресурсом. И таким образом субъект способен воздействовать на формирование социальных институтов, т.е. тех реальных типов отношений, которые ему в его положении представляются более выгодными"⁸⁴.

Таким образом, деятельностная парадигма порывает с главными положениями объективистского подхода к анализу связи между социальными институтами и социальными субъектами, сводящего социальные институты к объективным (самосоздаваемым) структурам, которые не могут быть объяснены действиями отдельных индивидов и вообще не зависят от них, от их воли. (Напротив, поступки индивидов объясняются влиянием общества, социальными институтами, нормами и правилами поведения⁸⁵.) В рамках деятельностного подхода социальные институты и социальные структуры больше не объективизируются до такой степени, что уподобляются вещам-скалам, на которые, по образному сравнению П.Л.Бергера, можно налететь, но которые нельзя ни убрать, ни преобразовать по прихоти воображения. "Вещь – это то, обо что можно тщетно биться, то, что находится в определенном месте вопреки нашим желаниям и надеждам, то, что, в конце концов, может свалиться нам на голову и убить. Именно в таком смысле общество является совокупностью «вещей». Правовые институты, пожалуй, лучше, чем любые другие социальные институты, иллюстрируют данное качество общества"⁸⁶.

В то же время у деятельностной парадигмы много общего с субъективной, которая ставит во главу угла именно действия и поступки людей, которыми они непрерывно создают и изменяют картину общества⁸⁷. В этой перспективе силы и институты, воздействующие на людей, "являются все-таки только *социальными* силами и институтами, т.е. они созданы людьми, продолжают существовать благодаря людям и отмирают, когда люди перестают ими пользоваться... правила существуют лишь постольку, поскольку люди им следуют. Слишком частое нарушение правил приводит к тому, что они быстро прекращают свое существование"⁸⁸. Иными словами, как в той, так и в другой традиции социальные институты понимаются как выражение (проявление) человеческих действий: все институционализированные образования, такие как "государство", "рынок" и др., в конечном счете, должны сводиться к объяснимым действиям индивидов. Следовательно, движущие силы общественных изменений больше не выносятся за рамки возможностей индивидов (как это было в объективистской модели), а непосредственно связываются с деятельностью индивидов.

Важное отличие деятельностной парадигмы от собственно субъективной видится в том, что она делает акцент на разных ресурсных возможностях разных субъектов и связывает эти различия не только с личностными особенностями социальных субъектов, но и с социоструктурными факторами или ограничениями, которые в данный момент субъекты преодолеть не всегда в силах.

На наш взгляд, место субъектов микроуровня в институциональных изменениях точнее всего улавливается при изучении *социального механизма* трансформационного процесса в рамках *теории трансформационного процесса* Т.И.Заславской⁸⁹. В российской социологии именно ей удалось разработать целостную теорию в рамках интегративной,

⁸² Ядов В. Теоретическая социология в России: проблемы и решения // Общество и экономика. 1999. №3-4. С. 313-314.

⁸³ Там же. С. 315.

⁸⁴ Там же. С.315.

⁸⁵ Бруннер К. Представление о человеке и концепция социума: два подхода к пониманию общества // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Мир человека. Осень 1993. Т.1. Вып. 3. С.58; Монсон П. Лодка на аллеях парка: Введение в социологию / Пер. со швед. М.: Весь Мир, 1994. С. 34, 41, 56, 76; Collins Randall (ed.). Three Sociological Traditions. Selected Readings. New York-Oxford: Oxford University Press, 1985. P.161-260; Cuff E.C. & Payne G.C.F. (ed.) Perspectives in Sociology. 2nd ed. London: Unwin Hyman, 1984. P.24-67.

⁸⁶ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива / Пер. с англ. Г.С.Батыгина. М.: Аспект Пресс, 1996. С.87-88.

⁸⁷ См., например, Монсон П. Указ соч. С.35, 42; Collins Randall (ed.), Указ. соч., P.261-267; 29. Геккер Дж.Ф. Вклад Н.Кареева в социологию. Пер. главы из книги Julius F.Hecker. Russian Sociology. A Contribution to the History of Sociological Thought and Theory. London, 1934. P.149-174 // Рубеж. Альманах социальных исследований. 1992. №3. С.37-52 и др.

⁸⁸ Монсон П. Указ. соч. С.25, 71.

⁸⁹ Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Заславская Т.И. Российское общество на социальном изломе: взгляд изнутри / ВЦИОМ, Моск. высш. школа соц. и экон. наук. М., 1997. С. 283 –299. Или: Социологический журнал. 1995. №3. С.5 – 21; Заславская Т.И. Трансформационный процесс в России: социоструктурный аспект // Социальная траектория реформируемой

деятельностной парадигмы. Не случайно многие авторы раздела обращаются к методологической схеме Т.И.Заславской при осмыслении самых разных аспектов экономического поведения индивидов (домохозяйств) в условиях крупных институциональных изменений. Прежде чем перейти к собственно институциональному анализу экономических субъектов микроуровня, обозначим те исходные *теоретико-методологические принципы* интерпретации и анализа социально-экономических изменений, которые присутствуют в данной теории и деятельностной парадигме в целом и на которых базируется институциональный анализ субъектов низшего уровня в данном случае. Основные из них следующие:

1. Органическая *увязка макро- и микроуровней* социальной реальности, что очень важно при изучении *социальных механизмов* изменения институтов и места институциональных изменений в целом трансформационном процессе.

2. Обоснование *автономности и взаимосвязи* макро- и микроуровней социальной реальности, выделение механизмов и потенциала независимости одного уровня от другого, и в то же время вовлечение в поле зрения взаимосвязи между ними.

3. Рассмотрение *двух способов существования разных уровней социальной реальности* – в потенциальной возможности и в действительности, – что очень важно для осмысления спектра в принципе возможных траекторий и перспектив институциональных изменений.

4. Ресурсы (как потенциальные, так и реализуемые) у разных субъектов разные. Неодинаков и их вклад (возможный и реальный) в институциональные изменения.

5. Социальные (в том числе и институциональные) изменения носят *вероятностный характер*. Поле возможностей в каждый данный момент времени, разумеется, ограничено. Но вместе с тем оно никогда не лишает субъектов разного уровня (в том числе и самого низшего) возможностей выбора. В связи с этим выявление реальных институциональных изменений, оценка возможных и вероятных перспектив в этой области должна базироваться на прочном эмпирическом базисе.

6. Наконец, *институциональный анализ* поведения *экономических* субъектов в условиях кардинальных изменений будет более продуктивным, если принять во внимание не только собственно экономическую сферу, но и более широкую институциональную среду, вовлеченную в процесс трансформации.

* * *

Общая логика первой части такова. В *первой* главе (И.В. Розмаинский) дается *общая характеристика институционального подхода к анализу экономического поведения домохозяйств и индивидов*. Поскольку институциональный анализ зарождался в значительной мере как реакция на недостатки неоклассической теории, то основные аспекты институционального подхода излагаются в сравнении с неоклассическим. Преимущества институционального анализа домохозяйств над неоклассическим особенно ярко проявляются применительно именно к переходной экономике. Институциональная среда предстает как важный фактор и ограничитель экономических действий домохозяйств и индивидов. В то же время показывается, что именно институциональный анализ позволяет проследить обратную связь: как меняется институциональная среда под влиянием действий разных типов домохозяйств и индивидов. "Нормальное" рыночноориентированное поведение предстает как поведение, направленное на взаимовыгодные, разрешенные законом, равноправные обменные отношения. А поведение, ориентированное на натуральную ("домашнюю"), "иерархичную" и теневую экономики, – как отклоняющееся от рыночного. На примере анализа поведения экономических субъектов микроуровня на трех основных рынках – труда, потребительских благ и финансов, – выделяются (пока на теоретическом уровне) те модели поведения и соответствующие им нормы и правила, которые отдают российскую экономику от подлинно рыночной системы или же, напротив, приближают к ней.

Поскольку перспективы институционализации новых прав и адекватных им правил игры зависят как от внутренних (лежащих на стороне микросубъектов), так и от внешних (лежащих на стороне среды) факторов, то чтобы полнее представить имеющийся здесь потенциал, в последующих главах акцент делается на *неформальной* сфере современного институционального пространства, которая определяется, с одной стороны, социокультурными особенностями массовых микросубъектов, спецификой их экономической ментальности, а с другой – особенностями условий их жизнедеятельности.

В центре *второй* главы (Е.С. Балабанова, Ю.В. Латов, Н.В. Латова) – исторические и современные *особенности российской экономической ментальности*. Важность рассмотрения этого вопроса определяется тем, что делать вывод о необратимости институциональных изменений в экономике можно только тогда, когда новые правила игры интернализированы массовыми социальными субъектами, т.е. переместились на уровень глубинных базовых представлений, символов и ценностей, которыми люди руководствуются в своем повседневном хозяйственном поведении. Между тем тот или иной тип ментальности имеет глубокие исторические корни и формируется в результате откладывания в памяти народа многовекового (а не только недавнего "административно-командного") опыта хозяйственной деятельности, ее организационных и материально-технологических особенностей. Предмет данной главы – исторические аспекты формирования российской экономической ментальности, что позволяет увидеть комплекс достаточно сложных проблем с точки зрения институционального потенциала современного трансформационного процесса в России.

В третьей главе (М.А. Шабанова) раскрываются *основные особенности современного институционального пространства, с которыми сталкиваются субъекты микроуровня*, – формальные и неформальные, правовые и неправовые, привнесенные реформами и унаследованные из прежней, административно-командной системы. Эти особенности свидетельствуют о том, что свой вклад в институциональные перемены вносят экономические субъекты самых разных уровней. Стремясь реализовать свои цели и интересы, они используют доступные их социальной позиции ресурсы и вносят свою лепту в формирование новых или сохранение старых прав и правил игры. Иными словами, в реальных институциональных сдвигах велика роль не только провозглашенных властями правовых норм, но и другого элемента социальных институтов, а именно – неформальных норм и правил, отражающих социокультурные особенности и специфику

условий жизнедеятельности самых разных социальных субъектов. В результате отклонение декларируемых целей от результатов институциональных преобразований зависит не только (и даже не столько) от реформаторской деятельности правящей элиты, сколько от трансформационной активности субъектов – представителей массовых общественных групп. Роль субъектов микроуровня в институциональных преобразованиях демонстрируется исходя из теории трансформационного процесса Т.И.Заславской.

Основное содержание этой главы – это доминирующие адаптационные стратегии, ибо именно через адаптационное и реактивно-протестное поведение массовые микросубъекты, как правило, участвуют в институциональных переменных. Успешность адаптации к новым условиям, с одной стороны, свидетельствует об успешности освоения экономическими субъектами низшего уровня нового институционального пространства, а с другой – является залогом устойчивости и дальнейшего углубления институционализации новых прав и правил игры. Для определения социального потенциала институциональных реформ, который сегодня имеется в российском обществе, выявляются различия в адаптационных стратегиях разных типов адаптантов ("прогрессивных", "регрессивных" и "НЕадаптантов"), внешние и внутренние факторы (и ограничения) при принятии ими экономических решений, а также институциональные условия и перспективы расширения числа прогрессивных адаптантов. Какие способы адаптации к новым условиям экономические субъекты микроуровня сегодня находят наиболее эффективными? Какие из этих способов в настоящее время получили наибольшее распространение и устойчиво воспроизводятся? Насколько востребованными в этих способах экономического поведения оказываются новые права и правила игры? Какие правила игры, в принципе, сегодня наиболее распространены при реализации как инновационных, так и традиционных адаптационных стратегий? Каким правилам-нормам экономические субъекты микроуровня следуют добровольно, а каким – вынужденно? И каково обратное воздействие реализуемых моделей экономического поведения на характер и перспективы институционализации новых прав и неправовых норм в экономическом пространстве? – вот основные вопросы, рассматриваемые в данной главе.

В последующих двух главах исследуется вопрос о том, как особенности экономической ментальности россиян, вкуче с современными изменениями в институционально-правовом пространстве и условиях жизнедеятельности массовых микросубъектов, сказываются на доминирующих способах и нормах их экономического поведения. В центре внимания – основные рынки, где участвуют субъекты микроуровня, а именно: рынки труда, потребительских благ и финансов. Доминирующие стратегии экономического поведения субъектов на этих рынках сказываются на качественных параметрах последних и, в конечном счете, в существенной мере определяют характер, механизмы, издержки, успешность и перспективы институциональных реформ в сфере экономики.

Предмет *четвертой* главы (А.Н.Дёмин - §§ 1,2,4,5; А.Л.Темницкий – §3) - *особенности массового поведения на рынке труда*. В ходе реформ существенно изменилось институционально-правовое пространство в сфере труда. Появились новые права, но вместе с ними появились и новые ограничения. Трансформируются трудовая мораль и идеология. Труд из обязанности превратился в право, легализован статус безработного; появилось право на частную собственность и предпринимательскую деятельность; получил легитимность частный, индивидуальный интерес, а общественное благо потеряло свою всепоглощающую значимость; возродилась категория индивидуального богатства и др. Важная специфика современного рынка труда - доминирование неформальных правил над формальными. Поэтому именно неформальным правилам авторы уделяют особое внимание, опираясь на важное методологическое допущение о двойственности процессов порождения институтов. Двойственность означает, что есть надындивидуальные нормы и правила, которые являются либо объектом, либо результатом преобразований, и есть повседневные реакции конкретных индивидов и домохозяйств на происходящее, которые по тем или иным причинам складываются в устойчивые модели поведения и которые являются своего рода преднормами. Эти преднормы либо помогают упрочению провозглашенных "сверху" правил игры, либо способствуют сохранению "старых" правил, либо дают начало новым нормам. Принимая во внимание все эти обстоятельства, авторы сосредоточиваются на выявлении доминирующих моделей поведения индивидов и домохозяйств, учитывая, что на отечественном рынке труда: а) сосуществуют старый (бывшие государственные предприятия) и новый частный секторы занятости; б) утвердилось новое социальное явление - открытая безработица.

В *пятой* главе (Е.С.Балабанова) рассматриваются два других вида массового трансформационного поведения, через которые субъекты микроуровня вносят свой вклад в институциональные перемены, а именно: *потребительское и сберегательное поведение*. В полном соответствии с деятельностной парадигмой анализа институциональных изменений, домохозяйства рассматриваются как комплекс определенных ресурсов, которые они пытаются использовать, исходя из внутренних особенностей и внешних (в том числе и институциональных) возможностей и ограничений. В центре внимания автора - институциональные изменения в управлении ресурсами в сферах их *добывания, расходования (потребления) и сохранения (накопления)*. Доминирующие стратегии поведения домохозяйств в этих сферах оцениваются с точки зрения их влияния на качественные параметры и перспективы развития рынка потребительских благ и рынка финансов.

И наконец, *шестая*, заключительная глава (И.П. Попова) посвящена *среднему классу*, который рассматривается и как главный *агент* формирования новых отношений, норм, институтов, и как основной ожидаемый *результат* институциональных реформ. В связи с этим институциональный аспект исследования проблематики среднего класса предполагает два уровня анализа: 1) противоречия и специфика формирования институтов и 2) стратегии поведения социально-профессиональных групп, составляющих ресурсы среднего класса. Акцентируется проблема *двойственности* среднего класса (или средних слоев) в современной России. С одной стороны, он видится агентом претворения в жизнь новых прав и правил игры, а с другой – основой "инертной средней массы", оставшейся в наследство от старых советских средних слоев. Выделение социального конструкта "*потенциальный средний класс*" облегчает выявление общих характеристик и тенденции социальных ресурсов среднего класса. Вопрос о перспективах среднего класса в России связывается с формированием такой институциональной среды, которая способствовала бы реализации потенциала "старых" средних слоев и расширяла бы ресурсы "новых" средних слоев.

Глава 1. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

1.1 Домохозяйство в рыночной экономике: взгляд неоклассиков

Прежде чем изложить основные элементы институционального подхода к изучению домохозяйств, логично сперва описать господствующую теорию - неоклассическую, поскольку институциональный анализ зародился в значительной мере как реакция на ее недостатки.

Если попытаться выразить сущность неоклассического подхода к исследованию домохозяйств одной фразой, то можно остановиться на таком варианте: "Неоклассическая теория является в своей основе теорией индивидуального выбора, или теорией принятия индивидуальных решений в условиях полной определенности и рациональности"⁹⁰. Более детально неоклассический анализ поведения домохозяйств характеризуется следующими свойствами.

1. **Домохозяйство и индивид рассматриваются как тождественные понятия.** Не исследуются отношения внутри домохозяйства, цели его образования и т.д. Иными словами, в неоклассической теории домохозяйство, как и фирма, является "черным ящиком"⁹¹.
2. **Домохозяйство трактуется как хозяйствующий субъект, действующий полностью рационально.** Полная рациональность означает стремление к цели (сформированной субъектом независимо от остальных субъектов или общества в целом), с учетом всех ограничений и возможностей, выгод и издержек, и воплощается в оптимизирующем поведении⁹².
3. **Домохозяйство функционирует при отсутствии неопределенности.**⁹³ Это означает, что ожидаемые результаты его деятельности либо достоверно известны, либо точно не известны, но могут быть описаны при помощи вероятностных распределений. Таким образом, домохозяйство не сталкивается с ситуацией, при которой нельзя сформировать вероятностные распределения возможных будущих исходов (поскольку не известны ни вероятности наступления каждого из отдельных исходов, ни общее количество этих исходов).
4. **Предполагается совершенство счетных и когнитивных способностей домохозяйства.** В неоклассической теории допускается, что домохозяйство в состоянии обработать абсолютно любое множество информации.⁹⁴
5. **Домохозяйство не нарушает формальные правила игры и моральные нормы,** тем самым не ущемляя права остальных хозяйствующих субъектов, но в то же время не стремится как-либо удовлетворять интересы других домохозяйств или общества в целом (такую поведенческую установку называют "простым следованием личным интересам"⁹⁵).
6. **Предполагается наличие жесткого разграничения между предпочтениями и ограничениями, целями и средствами**⁹⁶. Неоклассическая теория отрицает возможность влияния ограничений на предпочтения, т.е. интеграцию первых в целевую функцию домохозяйства; это означает, что отвергается феномен, названный К.Боулдингом синдромом "зеленого винограда"⁹⁷.

Представленные свойства позволяют описывать домохозяйство как строго упорядоченный и согласованный набор предпочтений⁹⁸, а его поведение - как оптимизирующие действия по максимизации целевой функции (полезности). Все это дает возможность анализировать домохозяйство и его деятельность при помощи строгих формализованных моделей. Иными словами, неоклассический анализ поведения домохозяйства (и прочих экономических субъектов) характеризуется **инструментализмом**, т.е. возможностью применения создаваемых в его рамках моделей для количественных измерений и прогнозов.

Однако неоклассический подход к исследованию экономических субъектов (и в т.ч. домохозяйств) характеризуется отсутствием такого свойства, как **реалистичность**. Модели представленного типа не описывают действительность такой, какая она есть. В этом и заключается главная "претензия" неоклассической теории со стороны представителей институционального подхода, основные особенности которого мы рассмотрим в следующем подразделе.

1.2 Домохозяйство в рыночной экономике: взгляд институционалистов

Изложение институционального анализа домохозяйств будет особенно доходчивым, если мы дадим его в сопоставлении с неоклассической теорией, поскольку, как уже отмечалось, он зародился как антипод неоклассике⁹⁹.

⁹⁰ Шаститко А.Е. Неинституциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1999. С. 13.

⁹¹ Олейник А.Н. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие. Тема 12. Домашнее хозяйство и другие организационные структуры // Вопросы экономики. 1999. № 12. С. 126.

⁹² См., например: Шаститко А.Е. Указ. соч. Гл. 1, 2.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Шаститко А. Указ. соч. С. 59-60.

⁹⁵ Уильямсон О. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, "отношенческая" контракция. СПб.: Лениздат, 1995. С. 100.

⁹⁶ Там же. С. 60-61.

⁹⁷ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998. С. 127.

⁹⁸ См.: Коуз Р. Фирма, рынок и право. М.: Дело, 1993. С. 6.

⁹⁹ См., например: Veblen T. Why Is Economics Not An Evolutionary Science? // Quarterly Journal of Economics. July 1898. P. 373 – 397; Ананьин О. И. Исследовательская программа Торстейна Веблена: 100 лет спустя // Вопросы экономики. 1999. № 11. С. 49-62. Под "институциональным анализом" ("подходом", "теорией") мы имеем в виду "анализ" на основе идей старого, "традиционного" институционализма. В настоящее время основными последователями этого направления являются представители "эволюционного институционализма". Настоящая глава написана в русле именно этих течений институциональной теории.

Сущность институционального подхода заключается в акцентировании внимания на нормах, правилах и стереотипах мышления, управляющих поведением людей в реальном мире. Более детально институциональный подход можно описать как характеризующийся следующими свойствами.

1. **Большое внимание в институциональной теории уделяется внутренней структуре домохозяйства, мотивам его образования, целям деятельности.** Домохозяйства и индивиды не тождественны друг другу. Аналогичным образом, нельзя редуцировать домохозяйство к семье. Домохозяйство - это "...группа людей, объединенных общей задачей воспроизводства человеческого капитала, местом проживания, бюджетом и семейно-родственными связями. В основе домашнего хозяйства лежат властные отношения - права по контролю над совместной экономической деятельностью передаются одному из его членов - главе семьи"¹⁰⁰ (такой акцент на родственных, а следовательно, в значительной мере обусловленных этическими соображениями, связях и властных отношениях делает институциональный подход совершенно чуждым неоклассике). При этом цели деятельности домохозяйства различаются в разных типах экономических систем, т.е. при различных типах доминирующих формальных и неформальных правил игры. Таким образом, в рамках институционального анализа домохозяйство перестает быть "черным ящиком".
2. **Домохозяйство трактуется как хозяйствующий субъект, "вписанный" в соответствующую социальную структуру.** Конкретные цели отдельно взятого домохозяйства подвергаются воздействию со стороны всей социальной и правовой среды (см. также предыдущий пункт), и в частности, зависят от взаимодействий с другими домохозяйствами и их группами. Кроме того, не только цели, но и средства их достижения могут определяться извне по отношению к домохозяйству. Таким образом, многие действия домохозяйства осуществляются при отсутствии его независимости, что фундаментально не соответствует рациональному поведению, предполагающему абсолютную свободу выбора.
3. **Институциональный анализ признает неопределенность важнейшей характеристикой внешних условий, с которыми сталкивается домохозяйство, осуществляющее свою хозяйственную деятельность.** При принятии многих важных хозяйственных решений, и в первую очередь, касающихся структуры портфеля (портфельных решений), домохозяйства сталкиваются с ситуацией, при которой невозможно даже с помощью вероятностных распределений оценить будущие результаты осуществляемого сегодня выбора¹⁰¹.
4. **Счетные и когнитивные способности домохозяйства несовершенны.** Домохозяйство не является "счетной машиной", как это постулируется неоклассической теорией. Возможности членов домохозяйства в сборе и обработке информации ограничены.
5. **Предпочтения и ограничения не отделены друг от друга "водонепроницаемым барьером".** Целевые установки домохозяйств в определенной мере зависят от доступности средств к их достижению, во многом задаваемой институциональным пространством¹⁰².

Перечисленные свойства не позволяют строить логически безупречные оптимизационные модели. Но зато они отражают действительные характеристики поведения домохозяйств и, таким образом, дают возможность создавать реалистичные теории, чего нельзя сказать о неоклассическом подходе. В частности, это означает, что **в рамках институционального подхода отвергается идея, согласно которой домохозяйство - это всегда "оптимизирующий рационализатор"**. Домохозяйство очень часто не может быть оптимизатором, поскольку в реальном мире рыночного хозяйства постоянно сталкивается с ситуациями, в которых нет возможностей для оптимизации. К таким ситуациям, согласно классификации, предложенной эволюционным институционалистом Дж.Ходжсоном¹⁰³, относятся следующие:

1. **Масштабность информации.** Это ситуация, при которой объем информации столь велик, что домохозяйство не в состоянии обработать его: несмотря на доступность информации, ее усвоение "... требует значительных затрат времени и других ресурсов"¹⁰⁴. Типичным примером является выбор потребительских благ в супермаркете, где, например, домохозяйству приходится выбирать между сотнями сортов сыра, колбасы или иных видов продовольствия. Соответственно, домохозяйство не в состоянии принять полностью рациональное решение, поскольку не может обработать весь существующий массив данных.
2. **Сложность информации.** Ситуация, при которой объем информации не велик, но у домохозяйств нет соответствующей "квалификации" для того, чтобы его обработать. Иными словами, "... существует разрыв между сложностью среды принятия решений, с одной стороны, и аналитическими и вычислительными способностями агента, с другой"¹⁰⁵. Примерами могут служить закупки некоторых товаров длительного пользования со сложными техническими характеристиками (типа автомобилей или компьютеров). Опять-таки в подобной ситуации домохозяйство не может действовать как "оптимизирующий рационализатор".
3. **Неопределенность.** Эта ситуация уже была в некоторой мере описана выше; она связана с недостатком или отсутствием сведений относительно будущих результатов осуществляемых в настоящее время действий, т.е. "...когда критически важная информация о вероятности наступления будущих событий является, по существу, недостаточной"¹⁰⁶. В результате снова теряется основа для оптимизационного принятия решений.

¹⁰⁰ Олейник А. Н. Указ. соч. С. 127.

¹⁰¹ Впервые идея "фундаментальной" или "подлинной" неопределенности (отличной от риска) была, как известно, выдвинута Ф.Найтом и Дж.М. Кейнсом. См.: Найт Ф. Понятие риска и неопределенности // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 12-28; Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Истоки. Вып. 3. М., 1998. С. 280-292.

¹⁰² Термин "институциональное пространство", часто используемый в этом разделе монографии, является синонимом термина "институциональная среда", применяемого многими неинституционалистами.

¹⁰³ Hodgson G. The Ubiquity of Habits and Rules // Cambridge Journal of Economics. 1997. Vol. 21. P. 663-684; Ходжсон Дж. Привычки, правила и экономическое поведение // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 39-55. Похожую, но более упрощенную, классификацию можно найти в трудах некоторых представителей посткейнсианства, направления, очень близкого традиционному (а также эволюционному) институционализму. См., например: Lavoie M. A Post Keynesian Approach to Consumer Choice // Journal of Post Keynesian Economics. Vol. 16 (4). P. 539-562.

¹⁰⁴ Ходжсон Дж. Указ. соч. С. 41.

¹⁰⁵ Там же. С. 41.

¹⁰⁶ Там же. С. 41. Дж. М. Кейнс писал, что в ситуации неопределенности будущих событий "не существует никакой научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем". Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 284.

В хозяйственной практике реального мира домохозяйство почти постоянно имеет дело с какой-либо из этих ситуаций. Действуя на рынке труда, домохозяйство (а точнее, его взрослые члены) не в состоянии получить все существующие данные о доступных вакансиях и спрогнозировать будущую динамику конъюнктуры в этой сфере. Оказываясь на рынке потребительских благ, домохозяйство не может обработать всю имеющуюся информацию. На рынке ценных бумаг, выбирая среди различных финансовых активов, домохозяйство не может спрогнозировать будущую доходность каждого из них. Все это означает, что поведение домохозяйств, с точки зрения институциональной теории, в большинстве случаев хозяйственной практики не является оптимизирующим.

Невозможность действовать в качестве рациональных оптимизаторов становится причиной того, что домохозяйства ведут себя в соответствии с другими принципами поведения, среди которых в рамках институционального анализа выделяются, в частности, следующие.

а) **Ориентация на среднее мнение.** Этот принцип поведения играет большую роль в ситуации неопределенности; отдельно взятое домохозяйство, не зная будущих результатов осуществляемых сегодня действий, ведет себя так, как остальные домохозяйства, т.е. как бы ориентируется на "мнение толпы", которая, возможно, обладает более хорошим знанием¹⁰⁷.

б) **"Жизнерадостность".** Следование принципу "жизнерадостности" (animal spirit) означает, что домохозяйство поступает так или иначе на основе "спонтанного оптимизма" (или "пессимизма"), "природного желания действовать" (или "не действовать")¹⁰⁸. Такое поведение вообще не связано с какими-либо рациональными расчетами и также играет большую роль в ситуациях, не позволяющих оптимизировать, особенно в ситуации неопределенности.

в) **Привычки.** Они представляют собой правила поведения, которым следуют домохозяйства в своей деятельности; при этом важно то, что следование таким правилам является формой рациональности, поскольку такое следование может быть эффективным с точки зрения экономии на издержках поиска и обработки информации¹⁰⁹. "Сущность привычки состоит в приобретении склонности к некоторым видам и способам реакции..."¹¹⁰. Таким образом, усвоение привычки предполагает некоторую активность того, кто ее усваивает¹¹¹.

г) **Ориентация на удовлетворение, связанная с ограниченной рациональностью.** Согласно данному принципу, домохозяйство ведет себя рационально, но при этом, вследствие значительных **издержек принятия решений**, не учитывает все имеющиеся ограничения и возможности; оно рассматривает возможные варианты выбора до тех пор, пока не будет выбран некий "удовлетворительный" вариант. Таким образом, здесь стремление к "удовлетворению" противопоставляется "оптимизации"¹¹². Можно также отметить, что "ориентация на удовлетворение" представляет собой нечто среднее по степени рациональности между следованием привычкам и оптимизирующим поведением.

д) **Рутины.** Очень многие действия домохозяйств обусловлены следованием неким укоренившимся шаблонным правилам поведения - рутинам¹¹³. При этом отличие такого способа деятельности от всех предыдущих (в частности, от привычек) состоит в том, что он является бессознательным (или внесознательным). Следовательно, если экономическое действие (покупка, продажа и т.д.) предпринимается на основе рутинного поведения, то это означает, что оно осуществлено вообще при отсутствии принятия решения.

С точки зрения институциональной теории особенно важны для понимания как деятельности домохозяйств, так и их внутренней структуры привычки и рутины. В институциональной теории подчеркивается, что "человеку свойственна потребность в создании вокруг себя предсказуемой среды... Именно в рамках защищенного рутиной пространства впервые возникает норма доверия"¹¹⁴. Иными словами, привычки и рутины удовлетворяют фундаментальную потребность человека "...в формировании сферы, где он мог бы оставаться самим собой"¹¹⁵. Таким образом, создание и функционирование домохозяйства предполагает множество привычек и рутин, играющих описанную роль.

Другая важнейшая функция привычек и рутин состоит в том, что они "... нужны для экономии когнитивных способностей как ограниченного ресурса [и, соответственно, поиска информации - И.Р.], позволяя человеку сконцентрироваться лишь на наиболее важных аспектах его повседневной деятельности"¹¹⁶. При этом анализ роли привычек

¹⁰⁷ См.: Кейнс Дж. М. Указ. соч. С. 285. По поводу близости теории Дж. М. Кейнса институциональному подходу Т. Веблена см.: Mouhammed A. H. Veblen and Keynes: On the Economic Theory of the Capitalist Economy // Journal of Institutional and Theoretical Economics. 1999. Vol. 155. P. 594-609.

¹⁰⁸ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1978. Гл. 12.

¹⁰⁹ См.: Rutherford M. Institutions in Economics. The Old and The New Institutionalism. Cambridge: Cambridge University Press. 1995. P. 51-62.

¹¹⁰ Это определение принадлежит американскому философу Дж. Дьюи, повлиявшему на основателей институционализма. См.: Автономов В. С. Указ. Соч. С. 194.

¹¹¹ Данный аспект подчеркивался еще Т. Вебленом: Veblen T. Op. cit. P. 389-390.

¹¹² Концепция ограниченной (или процедурной) рациональности и следующий из нее принцип "ориентации на удовлетворительный результат" были впервые предложены Г. Саймоном (см., например: Саймон Г. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // Вехи экономической мысли. Том 2. Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1999. С. 54-72) и ныне получили большое распространение как среди (эволюционных) институционалистов, так и среди посткейнсианцев. См., в частности: Lavoie M. Op. Cit. P. 544. Lah M. & Susjan A. Rationality of Transitional Consumers: A Post Keynesian View // Journal of Post Keynesian Economics. 1999. Vol. 21 (4). P. 590. При этом следует учитывать, что идея ограниченной рациональности не обязательно приводит к отказу от предпосылки оптимизирующего поведения: если указанная ограниченность обосновывается не на основе издержек принятия решений, а на основе издержек поиска информации, то допущение оптимизации сохраняется. Именно так применяется идея ограниченной рациональности в неинституциональной традиции. См. также: Олейник А. Н. Институциональная экономика. Учебно-методическое пособие. Тема 2. Норма как базовый элемент институтов // Вопросы экономики. 1999. № 2. С. 149.

¹¹³ Термин "рутины" впервые (в 1982 году) был введен в экономическую теорию основоположниками эволюционного институционализма Р. Нельсоном и С. Уинтером - см. русское издание их пионерной работы: Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО "Финстатинформ", 2000. Гл. 5. Но там данный термин применяется в отношении фирмы. Мы же используем это понятие в контексте, предложенном А. Олейником: см. Олейник А.Н. Указ. соч. С. 127.

¹¹⁴ Там же. С. 127.

¹¹⁵ Там же. С. 127.

¹¹⁶ Там же. С. 128.

и рутин "... в функционировании домашнего хозяйства помогает предположить обусловленность его структуры особенностями институциональной среды, в которой оно действует"¹¹⁷.

В рамках институционального анализа домохозяйств придается также важное значение степени преследования домохозяйством своих личных интересов. Как уже отмечалось, неоклассическая теория исходит из "**простого следования личным интересам**": предполагается, что данный хозяйствующий субъект стремится к личной выгоде, не ущемляя прав других субъектов, но при этом и не ориентируясь на их интересы. Институционалисты же более широко трактуют этот аспект - аспект "степени эгоизма".

С одной стороны, поведение домохозяйства может характеризоваться "**оппортунизмом**", представляющим собой "преследование личного интереса с использованием коварства"¹¹⁸, т.е. с нарушением формальных и неформальных правил игры. Распространенность оппортунистического поведения в целом повышает издержки заключения и реализации контрактных обязательств (а в более широком плане – трансакционные издержки) и, соответственно, резко понижает уровень экономической эффективности и сужает производственные возможности.

С другой стороны, поведение домохозяйств может характеризоваться "**послушанием**"¹¹⁹, при котором преследование ими личных интересов подавляется стремлением соответствовать интересам других субъектов, групп этих субъектов или общества в целом. Такое подавление может быть вызвано боязнью несоответствия поведенческим нормам данной социальной группы или общества – одним из наиболее известных примеров является "демонстративное потребление", описанное Т. Вебленом, - или же соображениями альтруистического плана.

С "послушанием" тесно связана роль **обычаев**. Под этим термином в институциональной теории понимают "вид социального принуждения, которое осуществляет по отношению к индивидам коллективное мнение тех, кто чувствует и поступает одинаково"¹²⁰. Обычаи фундаментальным образом отличаются от привычек. Если привычки носят личный характер, то обычаи представляют собой социальный феномен, являясь элементом давления общества (или социальной группы) на отдельные домохозяйства.

1.3 Возможности институционального анализа домохозяйств в переходной экономике

С институциональной точки зрения термин "переходная экономика" означает систему, в которой происходят кардинальные перемены в институциональном пространстве, т.е. в формальных и неформальных правилах игры. При этом "переходность" заключается в том, что наблюдается сосуществование правил игры, характерных для разных экономических систем – плановой, рыночной и т.д.¹²¹ "Социологическим" аналогом "переходной экономики" является "меняющееся (трансформирующееся) общество".

На наш взгляд, преимущества институционального анализа домохозяйств над неоклассическим анализом особенно ярко проявляются именно применительно к переходной экономике. Дело в том, что, как было отмечено выше, основной особенностью институционального подхода является учет влияния на поведение домохозяйств социальных норм и ценностей, а также стереотипов мышления. В переходной экономике эти факторы резко меняются, а значит, меняется и поведение домохозяйств. Отсюда следует, что неоклассический подход, не учитывающий указанные факторы, не способен объяснить действия домохозяйств в такой экономике.

Более конкретно институциональный анализ поведения домохозяйств "в меняющемся обществе" позволяет – при помощи как абстрактно-теоретических, так и эмпирических (в том числе и социологических) методов исследования - объяснить следующие тенденции в их поведении.

А) Изменения степени рациональности поведения. Изменения элементов институционального пространства влияют на масштабность и сложность информации, а также неопределенность будущего (вообще говоря, априори можно ожидать, что резкие институциональные перемены – выражающие суть переходной экономической системы – будут повышать степень масштабности и сложности информации, а также неопределенности будущего¹²²). Эти изменения, как следует из вышеизложенного материала, будут влиять на степень рациональности поведения домохозяйств. Институциональный анализ позволяет определить, "в какую сторону" будет меняться их поведение, т. е. будет ли оно становиться более рутинным, привычным, "жизнерадостным", характеризоваться ориентацией на среднее мнение или на удовлетворительный результат.

Б) Изменения степени преследования личных интересов. Изменения правил, норм и ценностей, безусловно, влияют также на то, каким образом домохозяйства пытаются соблюсти в своем поведении собственные интересы. Например, эрозия моральных норм и/или слабые санкции за нарушение правовых норм порождают стремление к оппортунистическому поведению; интериоризация принципов коллективистской этики может привести к обратным последствиям – поведению, ориентированному на подчинение социальным ценностям в ущерб личному интересу¹²³. Институциональный анализ позволяет выявить направленность изменений в этом "срезе".

В) Изменения степени ориентированности деятельности на рыночные отношения. Данный аспект является, пожалуй, наиболее важным. Огромное преимущество институционального подхода заключается в том, что он содержит возможности выявления степени "рыночности" или "антирыночности" поведения.

¹¹⁷ Там же. С. 129.

¹¹⁸ Уильямсон О. Указ. соч. С. 97-100.

¹¹⁹ Там же. С. 100-101.

¹²⁰ Такое определение обычаев дал один из основателей институционализма Дж. Коммонс. См.: Автономов В. С. Указ. соч. С. 195.

¹²¹ Подробнее см.: Тамбовцев В.Л. Государство и переходная экономика: пределы управляемости. Раздел 4. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 1997.

¹²² См.: Lah M. & Susjan A. Rationality of Transitional Consumers: A Post Keynesian View // Journal of Post Keynesian Economics. 1999. Vol. 21 (4). P. 589-602; Rozmainsky I.V. The Big-Bang Strategy and The Problems of Non-Rational Behavior in the Transitional Economy of Russia (<http://ie.boom.ru/Rozmainsky/Rozmainsky1.htm>).

¹²³ Отсюда следует, что институциональный анализ, в отличие от неоклассического, позволяет учесть синдром "зеленого винограда".

Поясним это подробнее. Поведение лица, полностью ориентированного на рыночные отношения, характеризуется следующими свойствами.

- 1) Удовлетворение собственных потребностей через взаимовыгодный обмен благами (т. е. "рыночным способом"), а не путем самообеспечения, неформальных взаимоотношений с другими субъектами (родственниками и т.д.).
- 2) Подчинение правовым нормам, регулирующим рыночные отношения и, соответственно, отсутствие попыток обойти эти нормы (такие попытки могут принимать разные формы: от обмана контрагента по сделке до кражи).
- 3) Равноправие (не только юридическое, но и социально-психологическое) в отношениях с другими хозяйствующими субъектами, т.е. отсутствие иерархичности в таких отношениях.

Таким образом, рыночноориентированное поведение означает поведение, направленное на взаимовыгодные, разрешенные законом, равноправные обменные отношения. Именно такое поведение является нормой в рыночной экономике и мыслится в качестве само собой разумеющегося сторонниками неоклассической теории.

Здесь следует также отметить, что отклонения от рыночноориентированного поведения могут принимать три основные формы, неявно описанные чуть выше. Их можно определить следующим образом.

- 1) **Поведение, ориентированное на "домашнюю экономику"**. Это означает, что домохозяйство стремится к полной обособленности от других хозяйствующих субъектов (за исключением родственников, соседей, друзей и проч.). Продукты питания, одежда и другие жизненно важные блага либо производятся самим домашним хозяйством, либо обеспечиваются через отношения взаимопомощи с другими домохозяйствами.
- 2) **Поведение, ориентированное на "иерархичную экономику"**. Такое поведение предполагает неравноправные отношения данного домохозяйства с другими субъектами. Подобные отношения - общее место в иерархичной социальной системе, например, в кастовом или сословном обществе. Здесь важно то, что неравноправность может являться не столько следствием соответствующих формальных правил игры (правовых норм), сколько продуктом социально-психологических установок.
- 3) **Поведение, ориентированное на "теневую экономику"**. К этому типу следует отнести любые действия, так или иначе связанные с нарушением формальных правил игры: от простого сокрытия доходов от налогообложения до деятельности, нарушающей статьи Уголовного кодекса.

Перечисленные формы отклонения от рыночноориентированного поведения являются поведенческими нормами соответственно в "натуральной экономике", плановой экономике и криминальной экономике. В зависимости от того, какая из этих четырех "ориентаций" доминирует, складываются предпосылки для становления в обществе соответствующей экономической системы. Это означает, что неформальные правила игры не исключительно экзогенные факторы по отношению к поведению домохозяйств. Домохозяйства сами своими действиями формируют и/или меняют социальные нормы, господствующие в обществе.

С этой точки зрения институциональный анализ поведения домохозяйств чрезвычайно важен, поскольку он не только учитывает влияние институционального пространства как ограничителя действий домохозяйств, но и показывает, каким образом это пространство меняется под влиянием их действий. Институциональный подход дает возможность выявить ряд факторов – действующих на микроуровне – закрепления тех социальных норм и правил, которые отдаляют нашу экономику от подлинно рыночной системы или же приближают ее к ней.

Так, институциональный анализ дает возможность проанализировать такое явление, как "неправовая свобода"¹²⁴. Этот феномен состоит в том, что люди "свободно" пытаются реализовать свои права, ущемляя права других и нарушая формальные правила игры. Институционализация "неправовой свободы" приводит к тому, что нарушения законов становятся социальной нормой, а законопослушное поведение – отклонением от этой нормы. Ясно, что такая практика приближает нашу экономическую систему не к цивилизованной рыночной экономике, а к псевдорыночному хозяйству криминального типа¹²⁵. Движение к рыночной экономике возможно лишь в том случае, когда большинство хозяйствующих субъектов – в том числе (а может, и в первую очередь) и домохозяйств – будет следовать правилам игры, присущим такой экономике, и в частности, не будет в массовом порядке нарушать юридические нормы.

Отсюда в рамках институционального подхода вытекает, в частности, особая значимость роли "среднего класса" для становления рыночной экономики в России¹²⁶. Этот социологический термин совершенно не находит применения в неоклассической теории, во многом, возможно, потому, что существует масса определений данного термина (как правило, эти определения, как и сам термин, носят социологический характер). С институциональной точки зрения средний класс можно определить как тот слой людей, который исполняет формальные правила игры (в отличие, скажем, от "высших классов", которые эти правила разрабатывают и закрепляют законодательно, и "маргинальных классов", которые эти правила нарушают). Таким образом, становление среднего класса означает постепенную интериоризацию формальных институтов, без которой невозможно не только нормальное функционирование, но и само существование цивилизованной рыночной экономики. Отсутствие среднего класса в переходной экономической системе – в "меняющемся обществе" – означает отсутствие домохозяйств, которые своими действиями способствовали "претворению в жизнь" указанных правил.

¹²⁴ Подробнее об этом в главе 2. Об институционализации неправовой свободы см. также: Шабанова М. Социология свободы: трансформирующееся общество. М.: МОНФ, 2000. С. 252-257; Шабанова М. А. "Неправовая свобода" и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. №11. С. 54-67.

¹²⁵ См. также главу 13.

¹²⁶ Подробнее об этом в главе 6.

Российское же общество в начале проведения рыночных реформ разделилось на кучку "высших слоев" - членов правительства, влиятельных "заинтересованных групп", занимавшихся непрерывным производством новых формальных правил и нахождением "прорех" в старых, – и подавляющее большинство "новых бедных", многие из которых постепенно пришли к нарушению законов как социальной норме поведения.

1.4 Домохозяйства в переходной экономике на рынках труда, потребительских благ и финансов: институциональный подход

Действуя как хозяйствующий субъект, домохозяйство функционирует на рынках труда, потребительских благ и финансов (финансовых рынках). При этом его поведение на этих рынках в переходной экономике может отличаться рядом специфических особенностей, которые принимаются во внимание именно в институциональном анализе.

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ТРУДА. При анализе поведения домохозяйств на **рынке труда** в переходной экономике институциональный подход позволяет выявить следующие аспекты.

А) **Динамика степени ориентации на законные/незаконные способы обогащения.** В зависимости от динамики институционального пространства домохозяйства в целях обогащения могут направлять свои усилия в теневую сферу экономики, что, естественно, отдалает становление цивилизованного рыночного хозяйства.

Б) **Динамика степени ориентации на наемный труд/ "самозанятость".** В принципе, движение к рыночной экономике предполагает, что домохозяйства начинают сокращать свои усилия в сфере "домашней занятости" (типа работы на приусадебных участках) в пользу деятельности на официально зарегистрированных фирмах. Если же роль "самозанятости" усиливается¹²⁷, то это указывает на натурализацию экономической деятельности и закрепление в поведении домохозяйств нерыночных норм. Значит, "светлое будущее" цивилизованной рыночной системы становится более далеким.

В) **Динамика степени ориентации на патерналистские/ партнерские отношения домохозяйства с работодателем.** Для планового хозяйства характерен патернализм в отношениях между работодателем и наемным работником, т.е. готовность последнего к почти полному послушанию и подчинению требованиям первого в обмен на минимальные социально-экономические гарантии. Для рыночного хозяйства (по крайней мере, "стандартного" западного типа) характерны партнерские отношения между указанными типами хозяйствующих субъектов; такие отношения означают социально-психологическую независимость наемного работника и равноправность его взаимодействий с работодателем. Опять-таки, если в ходе "рыночноориентированных реформ" патерналистский тип взаимоотношений продолжает воспроизводиться даже на новых частных фирмах¹²⁸, то данное обстоятельство указывает на то, что эти реформы, если и приводят к "рынку", то отнюдь не западного образца.

ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА РЫНКЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ БЛАГ. При анализе поведения домохозяйств на **рынке потребительских благ** в переходной экономике в рамках институционального анализа главный акцент делается на следующих аспектах.

А) **Динамика степени ориентации на рыночные/нерыночные способы обеспечения потребительскими благами.** Если домохозяйства в ходе реформ склоняются все больше к производству этих благ "у себя" (см. также пункт Б при описании анализа рынка труда) или же ориентируются на обеспечение жизненно необходимыми продуктами за счет родственных или дружеских связей¹²⁹, это указывает на отдаление от "идеалов" рыночной экономики. Подлинный "переход к рынку" предполагает падение значимости таких способов обеспечения потребительскими благами.

Б) **Динамика степени рациональности выбора потребителей и степени следования ими своим интересам.** В нерыночных хозяйствах выбор потребителя чаще, чем в рыночных системах, опирается либо на рутины, либо на эмоции, либо на этические нормы и социальное давление. Если выбор потребителя в процессе "перехода" все больше определяется рекламой, соображениями демонстративного потребления или бессознательными действиями, связанными со скорейшим удовлетворением физиологических потребностей¹³⁰, то это означает, что такой "переход" не способствует достижению подлинного суверенитета потребителя, при котором на рынке благ закрепляются только товары с оптимальными характеристиками "цена – качество".

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЕДЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ НА ФИНАНСОВЫХ РЫНКАХ: ДИНАМИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС ПОРТФЕЛЬНОГО ВЫБОРА ДОМОХОЗЯЙСТВ. Поведение домохозяйств на **финансовых рынках** особенно важно, поскольку именно на этих рынках формируются источники финансирования вложений в расширение основного капитала и технический прогресс, а следовательно, финансирования экономического роста. Мы проанализируем данную сферу несколько детальнее, поскольку неблагоприятная ситуация с нею в нашей стране, с одной стороны, в очень значительной степени связана с особенностями поведения домохозяйств, а с другой стороны, создала большой комплекс препятствий выходу российской экономики на рельсы быстрого и устойчивого экономического роста.

Вообще говоря, функционирование финансовых рынков может отвечать критериям неоклассической теории в том случае, если домохозяйства:

- а) осуществляют выбор не на основе эмоций и ориентации на мнение других субъектов финансового рынка, т.е. пытаются самостоятельно просчитывать выгоды и издержки своих финансовых инвестиций;
- б) не придают чрезмерного значения рекламе, осуществляемой рядом эмитентов ценных бумаг;
- в) доверяют активам, обращающимся на финансовом рынке, и соответственно, формируют свои портфели финансовых активов не только за счет наличности в национальной и иностранной валюте (и ценных бумаг правительства).

Именно при соблюдении этих условий оптимизирующего поведения на финансовом рынке начинают доминировать ценные бумаги наиболее прибыльных эмитентов. В противном случае финансовый рынок заполняется активами потенциальных банкротов, а то и просто откровенно жульнических "компаний".

¹²⁷ Подробнее об этом см. главы 3-5.

¹²⁸ Подробнее см. главы 2, 4 и 11.

¹²⁹ Подробнее см. главу 5.

¹³⁰ О роли феномена бедности см. также главу 5.

С точки зрения институционального подхода этот самый "противный случай" отнюдь не является редкостью. Дело в том, что финансовые рынки представляют собой сферу хозяйственной деятельности, отличающуюся высокой степенью неопределенности будущего (а также, хотя и в несколько меньшей степени, сложностью информации). Ожидаемую доходность по многим активам, обращающимся на нем, нельзя предсказать даже при помощи вероятностных распределений. Но в промышленно развитых странах рядовые участники финансовых рынков защищены от вышеназванных наиболее негативных аспектов его функционирования довольно жестким государственным регулированием. Иными словами, деятельность на финансовых рынках в таких странах осуществляется в рамках весьма детализированных формальных правил игры, разработанных и внедренных государственными структурами. Тем не менее в таких условиях участники рынков ценных бумаг оказываются не застрахованными от биржевых кризисов и зачастую не имеют твердых ориентиров для принятия оптимизирующих решений. Субститутотом знания в условиях фундаментальной неопределенности на рынках финансовых активов оказывается "конвенциональное формирование ожиданий"¹³¹, связанное с уже упоминавшейся "ориентацией на среднее мнение". Рядовые участники финансовых рынков покупают или продают ценные бумаги не на основе оптимизационных расчетов, а следуя поведению "средней массы", "толпы" (конечно, более предпочтительно для них было бы следовать советам профессиональных брокеров, но это возможно лишь на определенной ступени развития рынков ценных бумаг). Конечно, такое "массовое поведение" позволяет в значительной мере уменьшить бремя неопределенности, которое падает на каждого отдельного участника финансовых рынков. Однако обратной стороной "ориентации на среднее мнение" оказывается подверженность финансовых рынков чрезвычайно резким бумагам и кризисам, которые порождаются подобным "поведением толпы". В частности, спад на рынке ценных бумаг может произойти буквально за один день, что засвидетельствовано, например, известными биржевыми кризисами 1929 и 1987 гг. в США. Коллапс финансовых рынков, в свою очередь, может оказать негативное влияние на реальную экономическую активность, приводя к сокращению потребления (эффект богатства) и инвестиций (через влияние на инвестиционный климат и коэффициент Тобина).

Вышеприведенные рассуждения в еще большей степени применимы к поведению домохозяйств на финансовых рынках в России. В соответствии с принципами "шоковой терапии", эволюция финансовых рынков в нашей стране началась совершенно спонтанно, без какого-либо государственного "надзора" за этим процессом. В отличие от "коллег" в промышленно развитых странах, участники финансовых рынков в нашей стране не были защищены от недобросовестного поведения эмитентов финансовых активов. Деятельность "финансовых пирамид" никак не сдерживалась органами, регулирующими деятельность рынков ценных бумаг. Данное обстоятельство в сочетании с упоминавшейся "ориентацией на среднее мнение", общей абсолютной неопытностью "средних" домохозяйств в сфере принятия портфельных решений (и почти полным отсутствием высококвалифицированных финансовых консультантов, которые могли бы давать ценные советы "простым" домохозяйствам в области портфельного выбора) помогает объяснить феномен "обманутых вкладчиков", назревавший в 1992-1994 гг. и так ярко проявившийся во второй половине 1994 г., что знаменовало об окончании первого периода становления рынков ценных бумаг в России¹³².

В общем, нам представляется, что феномен "обманутых вкладчиков" связан не с "иррациональностью русской души", а с "ориентацией на среднее мнение" значительного количества домохозяйств, покупавших ценные бумаги "финансовых пирамид". Следование этому принципу поведения в условиях отсутствия институциональных барьеров для деятельности недобросовестных эмитентов и наличия неограниченной агрессивной рекламы (при отсутствии "психологического иммунитета" к ее воздействию, "иммунитета", который вырабатывается десятилетиями жизни в развитой рыночной экономике) привело к длительному и огромному увеличению продаж финансовых активов таких компаний, что не могло не закончиться финансовым крахом. Доверие "среднего" домохозяйства к финансовым рынкам было надолго утрачено, вследствие чего портфельный выбор российских домохозяйств во второй половине 1990-х гг. осуществлялся в основном между наличными деньгами, иностранной валютой и вкладами в Сбербанке.

Естественно, такое добровольное сужение диапазона портфельного выбора не способствовало быстрой эволюции рынка ценных бумаг в России, эволюции, важнейшей предпосылкой которой является **доверие**. Как известно, начиная с 1995 г. эволюция этого рынка в России заключалась лишь в чрезвычайно быстром ускорении оборота государственных ценных бумаг, эмитировавшихся с целью неинфляционного финансирования бюджетного дефицита, и завершилась новым крахом - крахом пирамиды ГКО-ОФЗ. Возможно, развитие российского рынка ценных бумаг в середине 1990-х годов могло бы пойти по другому пути, если бы в 1992-1994 гг. государство жестко ограничило деятельность частных финансовых пирамид и предотвратило упомянутый выше коллапс, приведший к огромным потерям богатства множества домохозяйств и утрате доверия с их стороны к рынку финансовых активов.

Таким образом, институциональный анализ поведения российских домохозяйств на финансовых рынках позволяет определить некоторые основополагающие идеи относительно закономерностей эволюции рынков ценных бумаг в переходной экономике. Поскольку на указанных рынках домохозяйства сталкиваются с неопределенностью будущего, а также со сложностью имеющейся в распоряжении информации, они не в состоянии придерживаться оптимизирующего поведения, как это предполагает неоклассическая теория. На развитых рынках ценных бумаг субститутотом знания отдельного домохозяйства - знания, на основе которого можно было бы принять оптимальное решение - зачастую является следование рекомендациям профессиональных брокеров или финансовых консультантов. Но даже при высокой стадии развития указанных рынков большую роль играет "ориентация на среднее мнение" - принцип поведения, при котором каждый отдельный участник рынка ценных бумаг стремится "действовать как все". Еще большее значение этот принцип поведения имеет на неразвитых финансовых рынках, чему пример - нарождающийся российский рынок. Нам представляется, что на начальных ступенях эволюции финансовых рынков в переходной экономике они должны жестко регулироваться государством (это, естественно, противоречит принципам "шоковой терапии"). Такое регулирование должно отсекалть от этих рынков недобросовестных и/или неплатежеспособных эмитентов ценных бумаг и, тем самым, защищать домохозяйства от подобных "компаний" и формировать их доверие к финансовым рынкам. Кроме того, оно может

¹³¹ См.: Кейнс Дж. М. Общая теория занятости. С. 295; Розманский И.В. "Конвенциональная теория ожиданий": вызов теории рациональных ожиданий // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). 1996. Вып. 2. С. 114-118.

¹³² Шишкин М. В., Кашин А. Л. Рынок ценных бумаг в современной России: специфика становления и особенности функционирования // Вестник СПбГУ. Серия 5 (Экономика). 1996. Вып. 4. С. 14-20.

заключаться в некоем "финансовом просвещении" домохозяйств, т.е. обучении их азам портфельного выбора через определенные средства массовой информации. "Пускание на самотек" процесса эволюции этих рынков - то, что и имело место в России начала 1990-х годов - оборачивается их быстрым подъемом за счет деятельности "финансовых пирамид", подъемом, который в себе самом содержит семена последующего коллапса. А этот коллапс, в свою очередь, отбрасывает состояние развитости финансовых рынков к исходной стадии, и "все приходится начинать сначала", но уже в более неблагоприятной ситуации вследствие недоверия домохозяйств к таким рынкам. Ясно, что такое "естественное" "развитие событий" неблагоприятно для создания богатого резервуара источников финансирования инвестиций и экономического роста. Последний вряд ли может быть обеспечен на долгое время, если портфельный выбор домохозяйств ограничен наличностью, иностранной валютой и вкладами в государственных банках (в Сбербанке).

Короче говоря, институциональные особенности поведения домохозяйств на финансовых рынках в переходной экономике приводят к выводу о настоятельной необходимости их жесткого государственного регулирования на начальном этапе развития. При отсутствии такого регулирования наблюдается **динамический парадокс портфельного выбора домохозяйств, состоящий в том, что в ходе перехода к рыночной системе происходит добровольное сужение диапазона этого выбора самыми ликвидными активами.** Подобное сужение очень неблагоприятно с точки зрения перспектив финансирования инвестиций, технического прогресса и экономического роста.